

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

вып. XVI

ПА М И Р

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Т. Г. Абаева

ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕГО БОЛОРА

Юго-западнее Памира, среди отрогов Гиндукуша, отходящих от главного хребта к долине р. Кабул, расположен Кафиристан, историю которого народные предания ваханцев, ишканимцев и шугнанцев тесно связывают с древней историей Памира.

Восточная традиция зачастую отождествляла Кафиристан со страной Болор, известной из средневековых мусульманских источников. Этот взгляд распространен и среди современных востоковедов. В примечаниях к «Книге Марко Поло» фразу «страна эта зовется Болором» В. В. Бартольд пояснил, что страна Болор — «туземное название области, более известной теперь под наименованием Кафиристан» [11, 269]. Само понятие Кафиристан также довольно расплывчатое. Современные английские и пакистанские авторы включают в состав Кафиристана горные районы Читрала, населенные дардской народностью калаша [24, 25].

Между тем лингвисты уже давно дают четкое определение, что следует понимать под термином «кафирские языки». В связи с этим Г. Моргенштерне писал: «Кафири стало сейчас установленным названием группы языков кати, вайгали, ашкун, прасун (и в некоторой степени — дамели), которые занимают промежуточную позицию между индоарийскими и иранскими. За некоторым малым исключением... эти племена сейчас стали магометанами. С другой стороны, большинство калаша все еще кафиры, т. е. язычники, но они говорят не на кафирском языке в установленном значении данного слова. Иначе говоря, кафирский как термин языковый ничего общего не имеет с современным распространением религии. Если это помнить, то мне кажется, можно практически оставить принятую терминологию и не вводить новых осложнений» [23, 63].

Вайгали и прасун живут компактной массой в долинах одноименных рек; юго-западнее находится район распространения языка ашкун. Самая многочисленная кафирская народность — кати — занимает западную и восточную части Кафиристана. Особенно труднодоступна западная область, населенная кати, расположенная в долинах рек Рамгэль и Кулэм.

В непосредственном соседстве с Башгалом, где находится область восточных кати, между перевалом Ловараи и впадением р. Башгуль в Кунар, на территории княжества Читрал, лежит район распространения языка дамели. Об этом языке Г. Моргенштерне писал: «Дамели, по всей вероятности, смесь индоарийского, дардского диалекта и не-

зависимого кафирского языка, отличного от любого существующего в настоящее время» [цит. по 9, 264—287].

Афганский историк Ахмад Али Кохзад указывает, что Кафиристан делился на две области. Западная называлась Катвар, восточная — Балвар, или Болор بلور [22]. Название Катвар в смысле «объединение говорящих на языке кати» сохранилось в наши дни. Кати составляли крупнейшее племенное объединение кафиров. Термин 'вар' со значением «объединение говорящих на таком-то языке» встречается довольно широко в областях, смежных с Кафиристаном, да и в самом Кафиристане.

Название Болор, по-видимому, восходит к глубокой древности. Описывая события V в. н. э., китайская историческая хроника «Бейши» говорит об одной из дорог на запад: «Четвертая идет из Яркяна (Яркенда) на юго-запад 500 и от Луковых гор на юго-запад же 1300 ли до Болу» [7, II, 243].

Какую область китайские источники называли Болором, до сих пор точно не определено. Советский исследователь А. Н. Мандельштам, ссылаясь на работу Кеннингхема о Ладаке [20, 45—46], пишет: «Владение Болуло, которое упомянуто Сюань Цзяном (знаменитым буддийским паломником VII в. н. э. — Т. А.), в связи с описанием пути по Памиру, несомненно, является Болюем других китайских источников, соответствующим (без подразделения на Большой и Малый) территории Ясина, Гильгита и Бальтистана» [10, 120]. Надо, однако, уточнить все эти предположения.

Проследим маршрут Сюань Цзяна, совершившего в начале VII в. путешествие из Свата (Утаканды) в Бо-лу-ло (Болор). Из Манглавара китайский пилигрим какой-то горной долиной вышел к Инду. Английская карта этого района масштаба 1 : 1 000 000 (1923 г. издания) показывает наиболее удобную тропу из Манглавара через перевал Кутекай к селению Кабилгром. По этой тропе расстояние от Манглавара до Кабилгрома составит около 100 км. Отсюда Сюань Цзян «стал подыматься вверх по течению р. Инд, путем трудным и опасным, переправляясь по висячим мостам из веревок и железных цепей, карабкаясь по крутым тропам, высеченным в скалах» [13, 823].

Пройдя около 1000 ли от Манглавара (т. е. около 500 км), Сюань Цзян достиг долины Тха-ли-ло, где прежде находилась столица «царства Ву-чжанского» [13, 823]. Кеннингхэм отождествляет Тха-ли-ло с Дарелем. Мы полагаем, что бывшая столица царства Ву-чжанского может быть отождествлена с Чиласом. Бичурин владение Ву-чжан называет Учжя (У-Чжа), помещая его к юго-западу от Пишиная. Дальше за владением Учжя находится Висячий переход, через который ведет дорога к Гибини [7, II, 224]. Сюань Цзян шел с юго-запада на северо-восток, и трудный путь вдоль Инда с висячими мостами из веревок и железных цепей полностью соответствует Висячему переходу, о котором говорит «Хоуханьшу». Судя по упоминавшейся английской карте, расстояние от Кабилгрома, где Сюань Цзян мог выйти к долине Инда, до Чиласа составляет, если пользоваться старыми тропами, существовавшими до улучшения англичанами дорог в этом районе, около 370 км, или 740 ли. Прибавив 100 км (200 ли) расстояния от Манглавара описанным выше маршрутом, получим 940 ли, или цифру, близкую к показаниям Сюань Цзяна. Далее он, пройдя еще 500 ли такого же тяжелого пути вверх по долине Инда, прибыл в царство Бо-лу-ло. За истоки реки здесь принимается, по нашему мнению, не Верхний Инд, а его правый, весьма многоводный приток, р. Гильгит. От Чиласа до устья р. Гильгит (по старым тропам) около 130 км, а отсюда до Ясина,

важного центра Пригиндукушья, еще 120 км. Всего от Чиласа до Ясина 250 км, или 500 ли, что полностью совпадает с цифрами, приводимыми Сюань Цзаном. Все это позволяет высказать предположение, что во времена Сюань Цзяна столица Бо-лу-ло (Болора) лежала на месте теперешнего Ясина.

Столетие спустя после Сюань Цзяна, в двадцатых годах VIII в., о Болоре пишет другой буддийский паломник Хой Чао, называя его Боллюй. Он указывает, что в семи днях пути от Кашмира находится владение Малый Боллюй. Одежда, пища и язык населения были такие же, как и у жителей Большого Боллюя. Владетель Малого Боллюя жил прежде в Большом Боллюе, но из-за вторжения тибетцев он покинул его, обосновавшись в Малом Боллюе. Жители и знать не последовали за ним и остались на родине под властью завоевателей — тибетцев. Следовательно, Большой Боллюй находился ближе к Тибету или, иначе говоря, был восточнее Малого Боллюя.

Описывая события середины VIII в., «Таншу» конкретно указывает: «Большой Боллюй, иначе Болу, лежит от Тибета прямо на запад в смежности с Малым Боллюй: на западе граничит с Северной Индией и Учаном» [цит. по: 7, II, 319]. (Учан соответствует современному Свагу.)

«Бэйши» дает еще одну ориентировку, определяющую местоположение Болу. Описывая четыре дороги в Западный край, эта хроника говорит, что четвертая дорога идет от Яркенда «на юго-запад 500 и от Луковых гор на юго-запад же 1300 ли до Болу» [7, II, 243]. В этом тексте неясно, от какого места Луковых гор ведется отсчет. Кроме того, при определении расстояния надо помнить, что средневековые китайские источники исчисляли их по протяженности дорог, в горных условиях очень извилистых, что увеличивало расстояние иногда более чем втрое. Например, из Мастуджа до ваханского селения Хандут по прямой расстояние всего 80 км, а всадник должен проехать всю долину Ярхуна, пересечь перевал Барогиль и спуститься в долину Вахандарьи, проделав путь более 280 км¹.

В конце VIII в., при аббасидском халифе Харун ар-Рашиде, в долину Кабула предприняли поход арабы, присоединив к халифату Панджшир, Горбанд и Парван.

Помимо действий в долине р. Кабул, арабы продвигались и по северным склонам Гиндукуша, войдя там в соприкосновение со страной Болор (Балур, Блар). В рассказе о деятельности Зубейды, жены халифа Харун ар-Рашида, «Сиасет-наме» говорит, что она на свои средства построила в пограничной с Кашгаром и Балуром области город, получивший название Бадахшан» [15, 271].

В 811 г. аббасид ал-Ма'мун жаловался своему вазиру Фазль бен-Сахлю на то, что «хакан, владетель Тибета проявляет непокорность, а кабульский шах готовится произвести набег на Хорасан» [4, 260]. Вскоре Фазль бен-Сахль стал наместником над всеми восточными провинциями — «от Хамадана до Тибета» [3, 510] и предпринял успешный поход в долину Кабула. В надписи на плите, которая находилась внутри Ка'бы вместе с тронном покоренного тогда Кабул-шаха, говорится, что Фазль бен-Сахль «установил почтовую связь из Кандахара в Бамийан и присоединил страну Кабула и Кандахара к Хорасану».

Далее надпись повествует о действиях против тибетцев: «И послал имам (ал-Ма'мун. — Т. А.) — да почтит его Аллах! — зеленые знамена руками Зу-р-рийа-атэйна в Кашмир и в область Тибета. И Аллах — да

¹ При исчислении расстояний мы пользуемся уже упоминавшейся английской картой 1923 г. издания.

будет ему хвала! — даровал ему победу в Вахане и Равере страны Болор над владетелем гор Хакана и гор Тибета» [12, 16—17].

В комментариях А. И. Михайловой об этих походах говорится: «Покорены были полунезависимые области Кабула и Кандахара и ликвидирована на время независимость Кабул-шаха, вечная угроза арабским владениям в Тохаристане, Бадахшане и Южном Хорасане» [12, 13].

Надо внести в эти комментарии поправку. В надписи топоним **القيدهار** передает название не города Кандахара (который арабскими источниками упоминается только с X в.). Источники указывают, что город лежал несколько западнее теперешнего, на скалистой возвышенности, и вряд ли был тогда важным политическим или экономическим центром. Напомним, что понимал под ал-Кандахаром Беруни. Описывая Индию, он в главе о реках указывает: «...напротив города Пуршавар (Пешавар.— Т. А.) образуется большая река, называемая «Переправа» по переправе у селения Маханара на восточном берегу реки, впадающая в р. Синд возле крепости Битур, пониже (главного) города ал-Кандахара, т. е. Вайханда» [6, 242]. В другом месте Беруни определяет расстояние от Пуршавара «до Вайханда, столицы Кандахара», равное 14 фарсахам [6, 202]. В комментариях к переводу совершенно правильно указывается, что речь идет о Вайханде, бывшей столице Гандхары (Гибини китайских источников); этот город лежал на правом берегу Инда в 15 милях выше теперешнего Аттока [6, 622, прим. к главе XXV].

Таким образом, переводя надписи, посвященные походу Фазль бен-Сахля, надо пояснить, что речь идет о долине Кабула, включая древнюю Гандхару, столица которой лежала, по китайским источникам, юго-западнее Болора.

В более серьезной поправке нуждается примечание относительно местоположения Болора. А. И. Михайлова пишет: «Восстановленный из надписи путь арабского отряда через Вахан-Болор (Кафиристан) в населенную тибетскими племенами верхнюю часть долины Инда довольно обычен» [12, 18]. Свое утверждение А. И. Михайлова подкрепляет двумя ссылками на труды такого авторитетного востоковеда, как В. В. Бартольд. Однако попасть из Вахана в Тибет через Кафиристан абсолютно невозможно. Из Вахана в Тибет надо двигаться на юго-восток, а в Кафиристан на юго-запад, в противоположную сторону. Первая ссылка на статью В. В. Бартольда о Тибете в «Энциклопедии Ислама». В этой статье В. В. Бартольд сам ссылается на устаревшую работу М. К. Dames «Kafiristan», опубликованную в первом издании *Enzyklopaedie des Islam*, в которой Болор отождествлялся с Кафиристаном, хотя в тексте у В. В. Бартольда говорится о том, что Мир Вали покорил «все области Болора... и Тибета между Бадахшаном и Кашмиром» [3, 511]. Поместить Кафиристан между Бадахшаном и Кашмиром невозможно. Источник XVI в. очень точно указывает географическое местоположение Болора (полностью совпадающее с данными китайских хроник) — между Бадахшаном и Кашмиром, но отождествить Болор с Кафиристаном на основе этого сообщения никак нельзя.

Вторая ссылка А. И. Михайловой сделана на то место известной работы В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», где говорится, что торговый путь в Тибет проходил через Вахан [4, 115—116]. Любая карта подкрепляет очевидность этого сообщения, но зато нет ни одного источника, который указывал бы, что в Тибет можно попасть через Кафиристан.

Источник X в. — «Худūd ал-'Алем» сообщает, что верховья Амударьи вытекают из Вахана и далее идут между Балуром (Блвр) и Шугнано́м Ваханским [19, л. 9-а].

Необходимо сделать еще одно уточнение. Хикихугно́н, Шугнанский Вахан граничат не с бассейном р. Гильгит, а с Верхним Читралом, включающим долины Яرخуна (Мастудж) и Турико. Иначе говоря, «Худūd ал-'Алем» свидетельствует, что Верхний Читрал в X в. входил в состав Болора.

Ранние китайские источники противопоставляли Читрал Болору. При династии Юань-вэй (386—556 гг. н. э.) Читрал был известен под названием Шеми и к востоку от него простиралось владение Булулэ (Болор) [7, т. II, 270]. Китайские источники VIII в. указывают, что Читрал был в ту пору разделен на два самостоятельных княжества, соответствующих теперешним Мастуджу и Читралу. Верхний Читрал, или Мастудж, назывался этими источниками Шанми [23, 47]. «Таншу» сообщает об этом княжестве, что «владелец живет в городе Хэше Ишидо в больших снежных горах, на северной стороне р. Болюй (Болор) ... Жители владения всегда помогали Малому Болюю (Болору. — Т. А.) в содействии Серединному государству» [7, т. II, 329]. Сведения о владении Шанми передаются с такими подробностями, которые говорят о практическом знании страны. Но речь не может идти о Мастудже, расположенном на южном берегу верхнего течения Кунара, называемого здесь Яرخун или Кашкар-боло. В наших поисках полезно посмотреть, где обитают читральцы или, правильнее, племена кхо (кховар). Они заселяют долину верхнего Кунара с его притоками и, кроме того, составляют большинство населения в смежных районах бассейна р. Гильгит. За истоки р. Гильгит современные английские карты, со слов местного населения, принимают реку, текущую в общем широтном направлении с запада на восток от пограничного перевала Шандур до слияния с р. Ашкуман, стекающей со склонов Гиндукуша в общем направлении с севера на юг. На прежних картах верховья р. Гильгит носили название Вриж. У слияния рек Вриж и Ашкуман образуется из речных разливов озеро, из которого вытекает река, всегда отмечавшаяся на картах под названием Гильгит. Около большого селения Гупис, лежащего в долине Вриж, с севера впадает р. Ясин, берущая начало у подножия перевала Даркот. В верховьях р. Вриж находится озеро Шандур. Второе довольно значительное (по-видимому, завального происхождения) озеро Шандур расположено в долине Вриж между крупными населенными пунктами Гизр и Чаши. Биддёлф писал в конце XIX в., что начиная от Чаши и вплоть до границ с Читралом все население говорит на языке кховар [5, 77].

Современный исследователь Дардистана Карл Йеттмар указывает, что «высший класс Ясина говорит на кховарском языке. Кховарский употребляется в верховьях гильгитской долины» [21, 81].

Всю долину Вриж от Чаши и до оз. Шандур кхо захватили целиком и основали здесь свое княжество. Правитель жил в крепости возле селения Шемист, в одном переходе на запад от Гизра. От крепости правителя Шемиста был еще один конный переход до перевала за оз. Шандур, а оттуда Мастуджа можно было достичь еще за два дня. Из крепости Шемист до Мастуджа можно было за день добраться прямой тропой, но всаднику по этой тропе двигаться было очень трудно. Все кховары верховьев Ясина подчинялись правителю Шемиста, и одно время он достиг такого могущества, что ему подчинялись все племена кховар, жившие в долинах Кашкар-боло, Турико и Мулико (Мурико). Остальные кховары признавали своим главой правителя, жившего в

крепости Шогод (Шогор) в долине Лутко. Потом могущество владетеля Шемиста упало, и он признал главенство владетеля Мастуджа, а им обычно бывал старший сын главного правителя всех авлодов кховар [17, 191—192].

Если отождествлять Шанми, или Шеми, китайских источников с княжеством восточных кховаров Шемист, все находит объяснение. Шемист лежал на северном берегу р. Гильгит (р. Болуй — Болор — китайских хроник), в то время как Мастудж находится на южном берегу р. Ярухун или Кашкар-боло. Г. Моргенштерне для объяснения китайского топонима Шеми, Шанми указывал, что на языке прасун название Читрал передается *šim*, а на сангличском языке [княжество] Читрал передается составным словом *šam-čatraḡ*, где *čatraḡ* означает 'Южный Читрал', а *šam* — Мастудж [23, 47]. Исходного материала из местных читральских топонимов он, однако, не дает, и приводимая нами гипотеза восстанавливает отсутствующее у него звено. Замечание К. Йеттмара о том, что на кховарском языке говорит «высший класс Ясина» показывает, что кховары играли большую роль в политической жизни населения западной части бассейна р. Гильгит, т. е. той области, которую логичнее всего можно отождествлять с Болоем-Болором — китайских хроник. Заняв господствующее положение в Ясине и в верховьях долины р. Гильгит (которая, орошая Болор, судя по сообщению «Таншу», также носила название Болор), кховары, по-видимому, переняли название Болор (Блвр).

Китайская «Императорская география» конца XVIII в. (переведенная Клапротом) так указывает местонахождение Болора: к юго-западу от Яркенда и к востоку от Бадахшана, в непосредственном соседстве с Бадахшаном, правитель которого вторгнулся в 1764 г. в пределы Болора [цит. по: 5, 202]. Приводя это сообщение, надо оговориться, что при переводе летосчисления на общепринятое европейское вкрались небольшие погрешности. Историческая хроника «Та'рих-и Бадахшан» приводит для описываемых событий более точную дату 1165 х. (1751 г.). Именно тогда правитель Бадахшана Султан-шах совершил поход на Читрал, захватив долины рек Турико, Мулико, Мастудж и главную долину Читрала до Кала-и Дрош [18, лл. 43-б, 46-б]. Этот поход известен по китайским источникам как вторжение бадахшанцев в страну Болор; следовательно, в XVIII в. Читрал был известен под названием Болор. Дальше пределов Читрала, в бассейн р. Гильгит, бадахшанцы во время описываемого китайской и бадахшанской хрониками похода, не выходили.

Ко второй половине XIX в. относится сообщение, подтверждающее приводимые выше факты. Биддёлф в своей работе об этническом составе населения Пригиндукушья писал: «Шоу открыл, что именем Болор до настоящего времени киргизы называют Читрал» [5, 195].

Итак, анализ топонимов, сообщений китайских хроник и народных преданий позволяет прийти к выводу, что страна Болор китайских хроник тождественна бассейну р. Гильгит, а в более древнее время, до освоения тибетцами нагорий Восточного Тибета, в состав Большого Болора входили Бальтистан и верховья Инда, где, возможно, в ту эпоху преобладал буришский этнолингвистический элемент. Внедрение кховаров в верховья рек Ясин и Гильгит привело к тому, что термин 'Болор' был воспринят сперва кховарским княжеством Шемист, а затем был перенесен и на весь Читрал.

Средневековым авторам, писавшим о Припамирских областях, страна Болор знакома с XII в. Характерна запись Джузджани. Он сообщает, что дядя первых правителей Гура Фахр ад-дин Мас-уд вла-

дел Бамианом, Тохаристаном, Шугнаном и «другими областями до Болора» [4, 402]. Из контекста видно, что Болор, лежавший в Припамирье, играл роль географического ориентира, настолько он был хорошо известен современникам автора.

В конце XIII в. о Болоре писал Марко Поло. В главе 50 «Книга Марко Поло» вначале описывается Бадахшан и Памир. Затем идет такой текст: «... сорок дней едешь на северо-восток и восток все через горы, по склонам гор, и во всю дорогу нет ни жилья, ни пастбищ. Продовольствие путники везут с собой. Страна эта зовется Болором. Люди тут живут в горах. Они идолопоклонники и дики: живут охотой, одеваются в звериные кожи». [11, 76].

В. В. Бартольд, комментировавший книгу Марко Поло, о чем говорилось выше, впервые отождествил Болор с Кафиристаном в 1896 г. в статье «Кафиристан в XVI в.», опубликованной в июньской книжке ташкентского журнала «Средне-Азиатский вестник». С тех пор, ссылаясь на авторитет выдающегося востоковеда, вслед за В. В. Бартольдом эту ошибку повторили многие русские востоковеды. Мы выше, говоря о работе А. И. Михайловой относительно надписи бен-Сахля, показали ошибочность такого отождествления. При любом, самом сложном маршруте Марко Поло не мог попасть в Кафиристан по пути из Бадахшана в Китай. Кафиристан мог в эпоху наибольшего могущества Болора подпадать в зависимость от Болора, но это отнюдь не дает повода считать, что Кафиристан и Болор являются одной и той же страной.

К XVI в. относится «Бабур-намэ», источник, отличающийся точностью и богатством сведений по географии и расселению этнических групп в Пригиндукушье. Бабур неоднократно говорит о Кафиристане, но термин Болор он не употребляет ни разу. Из сообщений Бабура можно сделать предположение, что кафиры в районах, примыкающих к Мунджану, господствовали и на северных склонах Гиндукуша. По словам Бабура, тимурид Султан Махмуд-мирза в XV в. «два раза он ходил походом в Кафиристан, в южной части Бадахшана... [1, 38].

К северному Бадахшану относились области Танги Шива и области Раг. Центральный Бадахшан включал Рустак, Файзабад, Аргу, Яфталь, Зардив, Джирм и Вардудж. В южный Бадахшан входили Анджуман, Зебак и Мунджан. Мифология кафирской народности прасун местом обитания наиболее популярных богов называла различные местности в Мунджане, на северных склонах главного Гиндукушского хребта. Это дает основание предполагать, что прасуны занимали в прежние времена более обширную территорию. Г. Моргенштерне располагает сведениями, что отдельные поселения прасунских кафиров встречались в 1892 г. даже в Читрале, в верховьях долины Лутко [23, 43], в районе непосредственно примыкавшим к южному Мунджану.

Западные границы Кафиристана Бабур намечает по меридиальному хребту Кухиستانских гор. Он писал: «Еще один туман — Ниджрау. Он находится в горах северо-восточнее Кабула. Горы позади Ниджрау сплошь населены кафирами» [1, 159]. Линия хребта, восточные склоны которого были заселены кафирами, идет в направлении с севера на юг, в 60 км к востоку от города Чарикара. У южной оконечности этого хребта, в 60 км северо-восточнее Кабула, лежит долина Бадрау, населенная и в наше время преимущественно дардской народностью пашаи. Об этой долине Бабур писал: «Еще один булук — Бадрау; он примыкает к Ала-Саю. В Бадрау нет плодов; [на земле] работают там кафиры; которые сеют хлеб [1, 165]. В этом отрывке нет ясности; Бабур о пашаях резко отличавшихся по языку от населения Кабула, мог гово-

речь как о кафирах, тем более, что многие пашайские племена южных склонов Гиндукуша приняли ислам сравнительно поздно. Возможно, однако, что кафиры из низовьев Алишанга, приходили в долину Бадрау потому, что хребет здесь более доступен для преодоления. Вообще же Бабур отмечает труднодоступность гор, окружающих Кафиристан, и поэтому повсюду говорит: «Хотя эти горы по высоте не таковы, как (описанные выше) и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется будто это пологие холмы, а между тем каждая гора и холмик круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне» [1, 165]. Надо отдать должное четкости географического описания Бабуром природы. В свете такой характеристики горных хребтов, окружающих Кафиристан, становится понятным, почему эта страна оказалась изолированной от внешних влияний.

Долину Алишанга занимал один из туманов Ламганата (Лагмана). «К северу от него, — пишет Бабур, — лежат высокие, неприступные снеговые горы, примыкающие к горам Хиндукуша; эти горы сплошь населены кафирами. Ближайшая к Алишенгу земля кафиров — Мил. Р. Алишенга выходит из Мила» [1, 157] О соседней речной долине Алингар (Алангар) говорится: «Еще один туман — Алангар. Ближайшая к Алангару земля кафиров — Кавар. Р. Алангара вытекает из Кавара» [1, 157]².

Восточнее, вверх по Кунару находился булук Чаган-Сарай (современный Чагай-Сарай). Об этом булуке Бабур сообщал: «Там всего одно селение, это небольшая местность. Чаган-Сарай — как бы вход в земли кафиров. Жители его, вследствие смешения с кафирами, хотя и мусульмане, исполняют обычаи нечестивых. Большая река, называемая рекой Чаган-Сарай, течет с севера-востока от Чаган-Сарая, из-за Баджаура. С запада, из земли кафиров называемой Пич, протекает еще одна река поменьше и вливается в Чаган-Сарай... виноград привозят из земель кафиров, лежащих выше по реке, и из земли Пич» [1, 158—159]. На этом участке граница Кафиристана соответствует современным. Топонимы сохранились прежние, претерпев лишь самые незначительные изменения; нигде в рассмотренных областях топоним Болор или Балвар не встречается.

Восточные границы Кафиристана Бабур не описал, коснувшись этого вопроса только косвенно. Говоря о Хиндустане, Бабур замечает: «На севере возвышаются горы, примыкающие к Хиндукушу и горам Кафиристана и Кашмира. К северо-западу от Хиндустана находятся Кабул, Газни и Кандахар» [1, 314].

Названные Бабуром города ориентированы правильно. Говоря о горах, ограждающих Хиндустан с севера, Бабур, по-видимому, подразумевает Гималаи и хребет Хиндураджд, которые действительно смыкаются с Гиндукушем и отроги которых занимают пространство между Кафиристаном и Кашмиром [16, 45—46], Болора и здесь Бабур не называет. Надо подчеркнуть, что Бабур в своих географических описаниях берет за исходную позицию направление: Средняя Азия, Афганистан, Индия, т. е. с северо-запада на юго-восток. Современник и родственник Бабура Мухаммад Хайдар, автор известной хроники «Тарих-и Рашиди», приводит название Болор, но на основе его сообщений отождествить Кафиристан и Болор никак нельзя.

Прежде всего остановимся на личности самого автора. После убийства отца — Мухаммад Хусейн Дуглата — Мирза Мухаммад Хайдар несколько лет жил у Бабура, затем уехал к другому своему дво-

² Имеется в виду Катвар.

юродному брату — Султан Сейид-хану, правителю Кашгара и около двадцати лет находился у него на службе. В середине 939 г. хиджры (начало 1533 г.) Мирза Мухаммад Хайдар, действуя от имени правителя Кашгарии, овладел Кашмиром. После смерти Султан Сейид-хана он удалился в Лахор и поступил на службу к сыну Бабура Камран-мирзе, а затем перешел к его брату Хумаюну. По поручению Хумаюна, Мирза Мухаммад Хайдар снова покорил Кашмир и десять лет провел там в качестве почти независимого правителя [8, 132]. Здесь в 1541—1547 гг. и была составлена им хроника «Тарих-и Рашиди» [2, 27—28].

Мы остановились на личности Мирзы Мухаммад Хайдара, желая подчеркнуть, что Кашмир и прилегающие к нему области он знал не понаслышке, а лично побывав там. В 934 г. хиджры (1527—28 гг.) он возглавлял поход в страну Болор, вернувшись оттуда с большой добычей. Необходимо отметить, что действовал он не со стороны Кабулистана, как Бабур, а из Кашгарии, из бассейна Тарима. Как мы знаем еще из старинных китайских хроник и сообщений Беруни, «Худуд ал-алем», «Сиасет-намэ» и других рассмотренных выше источников, бассейн Тарима граничил со страной Болор. Правда, в XVI в. политические (и этнические) границы Болора значительно сузились. Продолжавшаяся с первых веков нашей эры энергичная инфильтрация тибетских племен в Бальтистан, где наиболее достоверно можно локализовать Большой Болуй (Болор) китайских хроник, привела к тому, что коренное население было растворено в тибетской этнической массе, восприняв тибетский язык. Бальтистан стал рассматриваться как часть Тибета и получил второе название — Малый Тибет.

Арабские географы IX—XI вв., по-видимому, понимали под Тибетом (они писали: Туббат) преимущественно Малый Тибет или Бальтистан [3, 510]. Восточные границы Болора отодвинулись к пределам бассейна Гильгит и, например, в сообщениях о походах в XV в. войск Абу Бекра, правителя Кашгара из династии Дуглат, прежний Большой Болор даже не упоминается, его рассматривают как часть Тибета. Полководец Мир-Вали, командовавший армией, которая вторглась из Кашмира, покорил, по словам хроника «Тарих-и Рашиди», все области Болора и Тибета между Бадахшаном и Кашмиром [3, 511]. Это сообщение четко указывает, что Болор тогда включал территорию, к востоку от Бадахшана и вплоть до Кашмира, т. е. Читрал, бассейн Гильгита и, возможно, области по Инду, начиная от Тангира и включая на востоке Чилас и Астор, тяготеющий к Гильгиту.

Мирза Мухаммад Хайдар в состав Болора включает и Кафиристан. Вот что сообщает автор «Тарих-и Рашиди» о Болоре: «Страна Болор населена неверными; обитатели ее большей частью живут в горных селениях. Ни у кого из них нет религии или вероисповедания, нет вещи, которой они считали бы нужным избегать и остерегаться; они делают все, что могут, что умеют и что им приятно. Границы Болористана: на востоке — Кашгар и Яркенд, на севере Бадахшан, на западе Кабул и Лагман, на юге — область Кашмир. Страна простирается на четыре месяца пути в окружности; все это пространство покрыто горами, долинами и ущельями; с некоторым преувеличением можно сказать, что во всем Болористане нет равнины длиной хотя бы в один фарсах. Население многочисленно. Ни одна деревня не живет в мире с другой; среди них господствует вечная вражда и битвы происходят постоянно» [2, 55].

Описание «Тарих-и Рашиди» относится главным образом к традиционному Болору, в который в XVI в. включался и Читрал. Кафиристан продолжал сохранять самобытность, но все же надо признать,

что мнение о вековой изолированности Кафиристана в какой-то мере преувеличено. К. Йеттмар, проведший этнографические исследования в Дардистане, пришел к выводу, что дарды Каракорума, кафиры и дарды Гиндукуша, ираноязычные народности Гиндукуша и Памира, а также буришки составляют одну культурную область [21, 83]. Говоря об искусстве резьбы по дереву, развитом у населения южной части Гильгитского агентства, Йеттмар указывает на два направления в стиле. «С одной стороны, — пишет он, — имеется богатая резьба с завитками, листьями и цветами, в особенности с изображениями ломоносов и лотоса. Эти сюжеты уже исследовались Аурелем Штейном. Он объяснил их как позднее ответвление Гандхарского искусства. Эту идею можно развить дальше, если понимать под Гандхарским эклектичное искусство, содержащее наряду с эллинистическими, восточноиранские и индийские элементы, а не нечто оставшееся от греческих традиций со времен Александра (Македонского). Но есть и другой стиль, кроме этого, который нельзя объяснить таким богатым наследием. Он преобладает в вышивках, но имеется и в резьбе Дареля. Особенность этого стиля заключается в преобладании простых прямых линий, наподобие расщепленных лучин. Основные образцы созданы в виде ромбов, иногда встречаются спиралевидные. Инструментом является простой нож и совсем не употребляются резцы или долото. Мне кажется, что этот второй стиль в некотором роде связан с резьбой кафиров и представляет собой сугубо местную традицию» [21, 83].

Древние доисламские религиозные представления на всем обширном пространстве расселения дардских и кафирских народностей, а также буришков, т. е. той территории, которая в XVI в. представлена хроникой «Тарих-и Рашиди» как страна Болор, имели между собой много общего. Говоря об особенностях, подчеркивающих сходство воззрений дардских народностей Гильгитского агентства, сохранивших культ почитания козы, с кафирами, Йеттмар пишет: «Кафиры Гиндукуша поклоняются богине, которая появилась в виде дикой козы» [21, 191]³. Йеттмар добавляет: «Я не лингвист, но думается, что даже имя ее — Крумаи — выражает связь с Муркум Гильгитского агентства. Но Крумаи является посторонней в богатом кафирском пантеоне, возможно, она была перенята от какого-нибудь дардского племени» [21, 191].

Высказывание Йеттмара о том, что Крумаи является посторонней в кафирском пантеоне, нуждается в поправке. Йеттмар опирался только на материалы Робертсона. Записи М. С. Андреева, хранящиеся в Ленинграде в Архиве русских востоковедов, и полевые дневники А. В. Станишевского до сих пор не введены в научный обиход. В Прасуне особо почитался Мэсер, бог снега и облаков, окутывающих горные вершины, у него дочь Крумаи, или Кшымай, которая принимала облик дикой козы. У восточных кати (живших после покорения Кафиристана эмиром Абдурахманом в Читрале и продолжавших сохранять до двадцатых годов XX в. древнюю религию) Крумаи почитается особо, как божество небесного свода. У западных кати культ Крумаи отсутствовал, а у ашкунов Крумаи выступала в качестве покровительницы жилища, причем в ашкунском языке сохранилось до сих пор слово *kūm* со значением 'кровля жилища', 'потолок'. У калашей Кумрай означает имя женского демона. Таким образом, если приводимые нами сведения объединить с наблюдениями и выводами Йеттмара, вопрос о культурных связях обширной территории, занятой дардами и буриш-

³ Сравни сообщение Робертсона о богине Крумаи [14, 72].

ками (в прошлом известной как страна Болор) получает новое решение.

Топонимика территории, которая в течение почти двух тысячелетий была известна под названием Болор, может дать много дополнительных материалов для выяснения последовательности волн расселявшихся в Пригиндукуше народностей. Можно полагать, что кафирские племена занимали в стране Болор более обширную область, и, возможно, этим объясняются народные предания, бытующие до сих пор в Ишкашине и Вахане, на Советском Памире, упорно утверждающие, что в глубокой древности кафирские народности заселяли даже южную окраину Памира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. «Бабур-наме. Записки Бабура», Ташкент, 1958.
2. Бартольд В. В., Кафиристан в XVI в., 1896, июль.
3. Бартольд В. В., Тибет. Из энциклопедии Ислама.— Сочинения, т. III, М., 1965.
4. Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения, т. I, М., 1963.
5. Биддёлф, Народы, населяющие Гиндукуш. Сочинение майора Биддёлфа, политического агента в Гильгите, Асхабад, 1886.
6. Бируни, Индия. Абу-рейхан Бируни (973—1048),— Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1963.
7. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
8. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касымовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1862.
9. Грюнберг А. Л., Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки. Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия. География и этнография, история, М., 1971.
10. Мандельштам А. М., Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н. э., Сталинабад, 1957.
11. [Марко Поло], Книга Марко Поло, М., 1956.
12. Михайлова А. И., Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в.—ЭВ, вып. V, 1951.
13. Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Кабулистан и Кафиристан, СПб., 1867.
14. Робертсон, Кафиры Гинду-Куша, Ташкент, 1906.
15. «Сиасет-намэ». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949.
16. Спейт О. Х. К., Индия и Пакистан. Общая и региональная география, М., 1957.
17. Станишевский А. В., Полевые дневники начальника особой партии Таджикско-Памирской экспедиции, Ташкент, 1933.
18. «Та'рих-и Бадахшан» («История Бадахшана». Фотографическая репродукция рукописного текста, введение, указатели). Подготовил к изданию А. Н. Болдырев, Л., 1959, лл. 43-б, 46-б.
19. Худуд ал-'Алем». Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
20. Cunningham A., Ladak. Physical, statistical and Historical with notes of the surrounding countries, London, 1854.
21. Jettmar K., Ethnological Research in Dardistan, 1958,— PAPS, Philadelphia, 1961, vol. 105, No. 1.
22. Kohzad, Admad Ali, The Noaristan. Black-nearers and Amir Karagan,— «Kabul Times», 1.1.1963.
23. Morgenstierne G., Report on a Linguistic Mission to North-Western India, — JSK, Oslo, 1932.
24. Schomburg R. C. F., Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral, London, 1938.